

Глава 23. Смятение чувств

Домой они возвращались с богатой добычей. Чжао Ци тащил на плече охапку длинных расщепленных реек фениксового бамбука, а Тао бережно прижимал к груди целую гору нежных, белых побегов. К тому времени как они добрались до рощи киноварных деревьев, сумерки сгустились, а накрапывавший дождь заметно припустил.

— Чжао Ци! — окликнул его кто-то. — Вернулись? Помощь нужна?

К нему спешили несколько приветливых женщин из племени. Та, что шла впереди — её, судя по всему, шутливо вытолкнули подруги, — смотрела на Чжао Ци с робкой надеждой. Оживление у кромки рощи быстро привлекло и остальных соплеменников. Люди подходили один за другим, приветствуя его, но многие при этом с нескрываемым любопытством косились на Тао.

Чжао Ци вежливо отказывался от помощи, качая головой. Но не успел он пройти и половины пути, как тяжелая ноша за спиной вдруг сделалась невесомой. Оглянувшись, он увидел Фэна. Охотники уже вернулись из рощи киноварных деревьев и принесли с собой спелые плоды, которые жрец Мин теперь раздавал соплеменникам.

Фэн молча перехватил охапку бамбуковых реек и закинул себе на спину. При этом он бросил настороженный взгляд на Тао, но мальчик лишь беззаботно улыбался, что-то рассказывая Чжао Ци, будто и не замечая враждебности вождя.

— Спасибо, Фэн, — улыбнулся Чжао Ци. — На самом деле бамбук не такой уж и тяжелый.

Фэн молча покачал головой. Чжао Ци сделал для них слишком много. Благодаря ему племя теперь могло беспрепятственно заходить в рощу киноварных деревьев, укрываться там от непогоды и собирать плоды, спасаясь от голода. О большем они и мечтать не смели.

Но... Фэн посмотрел на охапку бамбука за своими плечами, затем на нежные побеги в руках Тао. Слегка встряхнув связку реек, он спросил:

— Зачем это?

— Смастерим плот. Нам нужно добраться до Колокольной горы.

Чжао Ци невольно взглянул на свою ногу. Рана затянулась и почти не мешала при ходьбе, но мысль о засевшем внутри яде лишала душевного покоя.

Услышав об отъезде, Фэн на мгновение растерялся, но быстро совладал с собой. Разумеется, такой удивительный человек, как Чжао Ци, не станет навсегда оставаться здесь, на горе Ми, среди племени Дань. Да и Тао...

— Когда вы отправляетесь? — спросил вождь. — Чем мы можем помочь?

Разговаривая, они дошли до раскидистого дерева, под которым Чжао Ци обустроил свой временный лагерь. У корней по-прежнему лежали припасы, которые кто-то из соплеменников заботливо принес тайком. Тао споро сгреб в кучу сухой хворост и ловко раздул пламя из тлеющих углей.

Чжао Ци помог Фэну сбросить бамбук. Тао негромко спросил, как лучше приготовить побеги, и, получив ответ, принялся умело зачищать их костяным ножом, нарезая крупными ломтиками и нанизывая на тонкие прутья.

— Хочешь помочь? — поинтересовался Чжао Ци. — Разве в роще киноварных деревьев дела уже закончились?

— Работы там край непочатый, — признался Фэн, прислушиваясь к монотонному шуму дождя.

Объем работ по обустройству водоотводных канав в роще действительно пугал, и вождь подумывал привлечь к делу женщин и стариков.

— Но для тебя мы время найдем. Если торопишься, вместе мы управимся куда быстрее.

— Что ж, идет! — согласился Чжао Ци.

Мешкать он не любил, да и на Колокольную гору нужно было попасть как можно скорее. Он посмотрел на вождя. За последнее время они с племенем Дань действительно сроднились и не раз выручали друг друга. Чжао Ци дружески хлопнул Фэна по плечу и тепло поблагодарил.

Едва Фэн скрылся из виду, Тао отвел взгляд от тропинки. Он задумчиво ущипнул себя за худое предплечье.

«Какое слабое тело... Из-за этого от меня почти нет проку»

— Тао... — Чжао Ци внезапно замер, отложив бамбуковую рейку, и пристально взгляделся в спину мальчика. — Что это у тебя там?

На лопатках подростка явственно проступали два странных бугорка. меховая куртка, которую Чжао Ци когда-то сшил для него, теперь сидела вплотную и едва прикрывала поясницу, отчего эти неровности то пропадали под плотной шкурой, то проступали вновь при каждом движении.

Мальчик на мгновение оцепенел, но тут же обернулся, стараясь казаться безмятежным:

— О чем ты?

— Ну-ка, придвинься поближе. Неужели показалось?..

Чжао Ци осторожно провел ладонью по его спине под мехом — лопатки были совершенно плоскими, никаких бугорков.

«Должно быть, заработался я сегодня с этим бамбуком, вот глаза и устали»

Тао протянул ему пару вертелов с нанизанными кусочками бамбука. Забирая их, Чжао Ци уловил тихий урчащий звук, донесшийся из живота мальчика. Он невольно улыбнулся:

— Проголодался?

Белоснежные ломтики бамбука весело зашипели над углями, источая сок. Чжао Ци доверил Тао следить за жаром, а сам принялся мелко крошить костяным ножом свежие листья периллы и душистый горный перец. Выжав из этой пряной смеси сок, он щедро сбрызнул им шипящие вертела. Один из шампуров он ради эксперимента полил соком плодов киноварного дерева — захотелось попробовать сладкий вариант.

«Эх, сюда бы сейчас щепотку кумина да сушеного чили... Вот это был бы пир! Но и семена дикого перца для начала сгодятся. Надо будет сшить мешочек из шкурки ушастой мыши, чтобы хранить все эти лесные приправы»

Нежный аромат молодого бамбука смешался с острыми нотками специй. Когда корочка ломтиков аппетитно подрумянилась и слегка подсохла, Чжао Ци снял пробу. На вкус побеги оказались сочными, хрустящими и удивительно сладкими, а приправа придала им неповторимую пикантность. Это было приятное разнообразие после бесконечной дичи и пресных диких ягод.

Заметив, как Чжао Ци замер с кусочком во рту, Тао тоже поспешил откусить ломтик. Глаза его довольно заблестели.

— Вкусно, — коротко вынес он вердикт.

Вспомнился горячий суп с бамбуком — любимое блюдо дедушки-директора из приюта. Тот обычно клал в котелок целую курицу и долго томил её, пока мясо само не начинало отделяться от костей. Молодые побеги впитывали наваристый, ароматный бульон, оставаясь при этом нежными и хрустящими. В такие дни детвора из приюта выстраивалась в очередь, весело толкаясь и протягивая пустые миски. А сам Чжао Ци всегда вылавливал именно эти сочные кусочки бамбука.

То ли вкус здешнего бамбука оказался слишком похож на тот, далекий вкус из детства, то ли

просто нахлынули воспоминания, но Чжао Ци вдруг почувствовал, как по щеке катится теплая капля.

Он машинально провел ладонью по лицу. Неужели дождь пробился сквозь густую крону?

— Чжао Ци, почему ты грустишь? — тихо спросил Тао.

Грустит? С чего бы? Чжао Ци хотел привычно отшутиться, но с удивлением обнаружил, что не может даже выдавить улыбку. Губы словно онемели.

— Это яд, — добавил мальчик, пристально глядя на него. — Он начинает действовать.

Чжао Ци действительно вел себя странно. Он долго сидел неподвижно, сжимая в руке бамбуковый вертел, затем медленно опустил голову, а когда снова поднял взгляд, на его лице застыла натянутая гримаса.

Тао крепко сжал кулаки. Он поднялся, молча собрал рассыпанные по земле плоды киноварного дерева и пошел к ручью на опушке, чтобы обмыть их от грязи. Когда он вернулся, Чжао Ци сидел всё в той же оцепенелой позе. Мальчик мягко забрал у него вертел с остывающим бамбуком и вложил в ладонь сочный плод.

— Ешь, — негромко произнес Тао. — А потом сразу ложись спать. Утро вечера мудренее. Наберешься сил — и завтра мы отправимся в путь.

Чжао Ци послушно откусил кусочек. Кажется, он впервые слышал от Тао такую длинную, связную речь. Раз уж даже этот угрюмый звереныш переживает за него, то раскисать точно нельзя.

Взгляд скользнул по пушистому хвосту мальчика, уныло распластавшемуся по земле. Сердце Чжао Ци потеплело, возвращая ему прежнюю бодрость. Он протянул руку и ласково взъерошил мягкие волосы Тао.

— Всё в порядке! Справлюсь, — улыбнулся Чжао Ци, уже искренне. — Силы еще есть. Сейчас закончим с ужином и примемся за бамбуковые рейки — нужно их хорошенько просушить над огнем.

Тао промолчал. Он один за другим отправил в рот три киноварных плода, быстро разжевал их и устался на широкую спину Чжао Ци, который снова принялся за бамбук.

«Каково это — носить в себе яд рыбы Бэй? Насколько ему больно?»

Мальчик поднялся и подошел ближе.

— Как обжигать рейки? — спросил он.

Дело оказалось нехитрым: нужно было аккуратно соскоблить зеленую кожицу, а затем поддержать бамбук над углями, чтобы он размягчился. Под воздействием жара древесина приобретала гибкость и прочность, необходимую для скрепления несущих балок будущего плота.

Мерный, шуршащий звук скребущих по дереву костяных ножей и острых кремней еще долго разносился под сенью киноварных крон, сливаясь с шумом ночного дождя.

На следующее утро Чжао Ци и Тао со своим бамбуком обогнули гору Ми и спустились к подножию, где рос густой бамбуковый массив. К их удивлению, у кромки леса собралась внушительная толпа. Завидев путников, люди замахали руками. Впереди всех стоял Сяо У рядом со старым жрецом Мин.

— А вот и вы! — радостно крикнул юноша. — Мы тут решили помочь вам с плотом!

— Верно, Чжао Ци! Говори, что делать? Силы нам не занимать! — подхватил кто-то из толпы.

Чжао Ци широко улыбнулся. Тао держался поодаль и молчал, но, на удивление, никто больше не косился на него со страхом или недоверием. Племя Дань ловило каждое его слово, внимательно слушая его объяснения о том, как правильно вязать плот.

— Жрец Мин, спасибо, что привели людей, — негромко поблагодарил Чжао Ци старика.

— Я никого не звал, — хмыкнул Мин, многозначительно поведя подбородком в сторону работающих.

Среди собравшихся были не только взрослые охотники, но также женщины и даже бойкие ребяташки.

— Проведали, что ты уходишь, вот и прибежали сами.

Чжао Ци весело рассмеялся. От ворчливых, но искренних слов старого жреца и вида общей дружной работы тяжесть, давившая на грудь со вчерашнего вечера, понемногу отступила.

— Тао, сможешь наловить за утро парочку ушастых мышей? — обратился он к мальчику.

Тао замер, оглядывая шумящую толпу. У Чжао Ци был удивительный дар — он притягивал к

себе людей без малейших усилий. Племя тянулось к нему с благодарностью, а он платил им тем же в ответ.

«Хорошо, что меня они своей благодарностью не донимают»

Подумав об этом, Тао почувствовал странное облегчение. Он кивнул Чжао Ци:

— Жди меня здесь. Не уходи далеко.

Мальчик легкой тенью скользнул вверх по горной тропе, а Чжао Ци вернулся к сборке. Даже старый Мин усердно подкатывал толстые бамбуковые стволы, то и дело поглядывая на их идеально ровные, круглые срезы. Старик явно гадал, каким диковинным оружием или орудием можно было так легко перерубить толстый стебель.

Общими усилиями работа спорилась на удивление быстро. Вскоре легкое суденышко было почти готово — под конец Чжао Ци даже не находил себе дела. Сяо У с мягкой улыбкой осторожно оттеснил его в сторону:

— Мы все у тебя в долгу, Чжао Ци. У нашего племени почти ничего нет за душой, чтобы отблагодарить тебя... Так что позволь нам хотя бы достроить этот плот.

Среди столпившихся здесь людей Чжао Ци близко знал лишь Сяо У да вождя Фэна, однако каждый проходящий мимо соплеменник обязательно улыбался ему и находил теплое слово. Он присел на травянистый склон горы. Внизу раскинулось бескрайнее Даньское водное болото, над которым уныло сеялась мелкая водяная пыль.

Это были славные, простые люди. Но почему гора Ми из года в год страдает от разрушительных наводнений? Неужели им суждено вечно терпеть эти бедствия?

— Почему мы не уйдем отсюда? — переспросил Мин, разглаживая узловатыми, покрытыми глубокими морщинами пальцами подол своей одежды.

Старик уселся рядом на поваленное бревно. Сколько он себя помнил, его жизнь всегда была связана с горой Ми. Великое божество Птичьей горы веками хранило их предков. Да, выживать здесь непросто, но разве можно бросить родную землю?

— Здесь наш дом, парень. Мы никуда не уйдем.

Чжао Ци грустно улыбнулся. Дом... А где его собственный дом? Теперь, когда он заброшен в этот бескрайний Мир Гор и Морей, найдется ли в нем уголок, который он сможет назвать своим? Мысли, которые он так долго гнал от себя, вновь черной волной поднялись из глубины души.

«Я ведь обычный человек. А здесь — духи киношных деревьев, принимающие человеческий облик, ядовитые рыбы Бэй, грозные горные божества... Этот мир слишком огромен и непостижим. Кого я могу спасти? Да я и себя-то едва ли уберегу»

— Чжао Ци, прими это от нашего племени, — старый Мин протянул руку, возвращая юношу к действительности.

Чжао Ци моргнул, стряхивая оцепенение. На ладони жреца лежало крупное, полыхающее багрянцем перо. Оно казалось невероятно красивым, отливая чистым золотом на свету. Он не знал, какой птице оно принадлежало, но заметил, что старик бережно отвязал его от своего пояса, где висело еще два таких же.

— Это Источник священного пламени, дарованный нам самим великим божеством Птичьей горы, — торжественно произнес Мин. — Всего у нас хранилось три таких пера. И сегодня я от лица всего племени Дань вручаю его тебе.

— Что? Источник священного пламени? — Чжао Ци от изумления широко раскрыл глаза.

<http://bllate.org/book/18215/1751598>